ISSN 2079-9160

Российская ТЮРКОЛОГИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
▼
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
▼
РОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ

МОСКВА– КАЗАНЬ 2012

1(6)

Российская тюркология

№ 1(6) 2012

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОСЛАНИЕ В ДРЕВНЕТЮРКСКИХ РУНИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ

(Заметки о формировании монархии в Центральной Азии, 1)*

М. Добрович, г. Сегед (Венгрия)

Резюме. В настоящей статье анализируется текстологическая структура и политическое значение орхонских памятников. Анализ завершается выводом, что надписи в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана изначально создавались как политические декларации в качестве ответа на памятник Тоньюкуку, а не как эпитафийные надписи. Первоначальная концепция текста сохранилась в памятнике в честь Бильге-кагана. Его политическая декларация заключается в защите переворота 716 года, когда Кюль-тегин, убив своего двоюродного брата, сына Кутулуг-хана, и его сторонников, кроме Тоньюкука, возвел на престол своего брата Бильге-кагана.

Ключевые слова: орхонские надписи, Кюль-тегин, Бильге-каган, Тоньюкук, Ашидэ, Ашина, 716 г

Данная статья предлагает текстологический анализ древнетюркских надписей с целью реконструировать фазы их создания, их текстологическую структуру, а также показать параллелизм между ними и их взаимосвязи. Этот анализ показывает, как древние тюрки излагали хорошо известные события из истории Второго тюркского каганата. Возможно, наше исследование также раскроет их исторические и политические представления, послужившие основой создания данных памятников.

Как нам представляется, памятник Кюль-тегину не был первоначально погребальным текстом (эпитафией). В то время как во всех эпитафийных надписях главное действующее лицо выражает свои мысли и эмоции в форме первого лица единственного числа, в памятнике Кюль-тегину главное действующее лицо – известный предводитель, жизнь которого комментируется его братом. Этот текст создавался прежде всего как повествование о правящей династии и ее легитимизации, нежели повествование о самом Кюль-тегине.

Самая длинная часть текста практически идентична тексту о брате Кюль-тегина – Бильге-кагане. В ходе анализа мы будем работать с обоими памятниками как с единым целым.

I. E 1–30	II. E 2–24
I. S 1–11	II. N 1–8

*Первый вариант этой статьи был представлен на венгерском языке на конференции Nomád népvándorlások, magyar honfoglalás [Nomadic Migrations – Hungarian Conquest of Fatherland],состоявшейся в феврале 2000 года в г. Сегед (Венгрия) – (MTA-SZTE Turcological Research Group, Szeged). Предлагаемый текст являет собой аннотированную версию нашего исследования, зачитанную на конференции «Архивная ветвь востоковедческих исследований», Москва, июнь 2008 г.

По нашему мнению, аутентичная текстологическая программа сохранилась в тексте памятника Бильге-кагану Это не погребальный текст, а настоящая царственная надпись, содержание которой мы можем соотнести со знаменитым памятником из Бугута, а через него – с хорошо известным староиранским (и ближневосточным) образцом царственных памятников [1]

Мы можем с большой долей уверенности предположить, что этот текст первоначально был составлен как политическая декларация и переделан в эпитафию, когда главный герой памятника безвременно скончался

Повествование, представленное в знаменитом памятнике в честь Тоньюкука, во многом противоречит повествованию в орхонских памятниках [2] Первым ученым, обратившим внимание на этот факт, стал Осман Фикри Сертkая, который утверждал, что повествование в памятнике Тоньюкуку явилось своеобразным ответом на памятники в честь Кюль-тегина / Бильге-кагана [3]. Конечно, это утверждение легко подвергнуть критике с точки зрения хронологии Тоньюкук не мог видеть упомянутые орхонские памятники и реагировать на них. Напротив, мы можем предположить, что это орхонские памятники были политическим ответом на утверждения, содержащиеся в памятнике Тоньюкуку.

Мы отмечаем следующие основные параллели между орхонскими памятниками и памятником Тоньюкуку [4].

(1) Памятник в честь Тоньюкука не содержит упоминаний о Первом каганате. В нем практически не затрагиваются вопросы легитимности правящего клана Ашина

В памятнике подчеркивается роль его автора и роль главного действующего лица надписи в создании Второй империи и в ее истории, тогда как памятник в честь Бильге-кагана дает нам пусть краткое и обобщённое, но реальное описание истории первой Империи. Здесь чрезмерное значение придается важности династии и ее божественной легитимности. Конечно, в памятнике не содержится упоминания о роли Тоньюкука. Единственное упоминание о нем (II. S. 14.) в памятниках, найденных в орхонской долине, создает впечатление о нем как о личности важной, но ни в коем случае не являющейся непосредственным служащим (империи)

(2) Также заслуживает внимания то, как оба текста описывают процессы, ведущие к образованию Второго каганата В соответствии с текстом памятника Тоньюкуку, попытка Ашиде Венфу и Ашиде Фенгджи восстать против китайцев и возвести на престол хана по имени Ашина Нишуфу была легитимной, но по вине народа они были свергнуты и убиты, в то время как сам народ вновь подчинился китайцам [Kljashtornyj 1964: 25–26]. См : (I. I. W 2–4) *türk bodun qanin bulmayin tabγačda adrïltï qanlanti qanin qodup tabγačqa yana ičikdi täŋri anča temis ärinč qan bertim qanïŋin qodup ičikdiŋ ičikdük üčün täŋri öl temis ärinč* ‘Не найдя своего хана, народ тюрок отделился от китайцев и обрел для себя хана. Они (однако) покинули своего хана и вновь подчинились китайцам Тогда Тенгри (досл : небо), должно быть, сказал так: “Я дал вам хана, но вы покинули своего хана и опять подчинились (китайцам). Так как вы подчинились, вам (следует) умереть! ” – так сказал Тенгри’ [5]

Однако мы также читаем в орхонских памятниках следующее: (I. E 9–10) *anča tip tabγač qaγanqa yaγi bolmis yaγi bolup itünü yaratunu umaduq üčün yana ičikmis bunča isig küčüg bertükgärü saqinmati türk bodun ölüräyin uruysïratayin tir ärmis* ‘ ... ‘они опять стали враждебно настроенными по отношению к китайскому императору. (Но) после того, как они стали враждебно настроены к нему, потому что они не сумели организоваться и сформиро-

вать (государство) должным образом, они вновь подчинились (китайцам). (Китайцы), не приняв во внимание тот факт, что (тюркский народ) так много служил (им), сказали так: "Мы будем убивать и истреблять тюркский народ"' [6].

В этом контексте мы можем наблюдать полное отрицание какой бы то ни было легитимности Не Небо дало легитимность Ашине Нишифу; это народ предпринял не увенчавшуюся успехом попытку восстать и был наказан за это китайцами.

(3) Поскольку это хорошо известная история, мы не будем подробно описывать восхождение на трон Эльтериш-кагана и его жены, Ильбильге-хатун, родителей Бильге-кагана. Конечно, Тоньюкук еще раз подчеркивает свою собственную роль как особо влиятельного лица, он обращается к правителю *šad*, в то время как Бильге-каган утверждает, что оба его родителя были избраны Тенгри (Небом и другими божествами) с целью воссоздать империю и вернуть себе старые пастбища тюркского народа.

Роль матери была, видимо, очень важна, так как она будет упомянута в орхонских памятниках еще несколько раз

(4) Что касается второго правителя империи, то хотя Тоньюкук и критикует его авантюризм, который послужил причиной его смерти и почти привел империю к коллапсу, он все же рассматривает Капагана в качестве легитимного и даже великого правителя. Однако для автора орхонских памятников Капаган был просто *äčim qayan* 'каган, который был моим дядей', без упоминания его тронного имени. Он исполняет функции старейшего члена семейного клана, заботящегося о наследстве сыновей основателя династии.

(5) Естественно, в орхонских памятниках ничего не говорится о трагической судьбе Инал-хана, сына и соправителя Капагана, который был убит вместе со своей свитой Кюль-тегином вскоре после смерти его отца. Для Тоньюкука Инал-хан и Бёгю-хан (таков был его титул в качестве независимого правителя) были законными правителями империи

Мы также можем вспомнить две другие эпитафии, которые освещают политическое влияние империи. Одна эпитафия посвящена Бумын-хану, другая – Кюль-тегину. Эти два памятника свидетельствуют, что представители всего мира собрались и отдали последние почести умершему тюркскому лидеру (предводителю)

Империя, основанная когда-то двумя братьями, достигла пика своего могущества вновь при правлении двух братьев – Бильге-кагане и Кюль-тегине. Основным отличием явилось то, что последний никогда не получал титула *каган*. Он имел титул, который соответствует титулам двух наместников азиатской империи Хунну ('сиятельный принц' или 'мудрый правитель') [7].

Суммируя сказанное выше, мы можем утверждать, что анализируемые нами орхонские памятники решают две основные политические задачи. Первая из них – не упоминать о роли Тоньюкука или его племени Ашиде. Племя Ашиде было не только очень многочисленным (с его тремя ветвями – Ашиде, Да Ашиде, Баян Ашиде) [8], но и велика была та роль, которую сыграли их лидеры во главе империи. Это напоминает ситуацию, когда могло возникнуть двойное правление у уйгуров или хазар [9]

Для автора орхонских памятников также было важно легитимировать новое политическое состояние дел, возникшее после 716 года. С его точки зрения, не династия целиком могла сохранять легитимность, а только часть династии, прямые потомки Эльтериш-хана. Начиная с 716 года и далее мы

можем наблюдать следующее изменение в политической структуре империи: прежний принцип династийного правления по старшинству был заменен принципом первородства [10]. Все повествование, относящееся к истории тюркской империи, было организовано таким образом, чтобы легитимировать этот новый порядок.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Kljastornij S.G., Livšic, V.A.* The Sogdian Inscription of Bugut Revised // Acta Orientalia Hungarica XXVI (1972), 69–102.

[2] Первая попытка реконструировать структуру памятника в честь Тоньюкука была предпринята Дж.Клосоном: *Clauson, G., Sir.* Some notes on the Iscription of Toñuquq // Ligeti L. (ed.): Studia Turcica (Budapest 1971), 125–132.

[3] *Sertkaya, O.F.* Göktürk tarihinin meseleleri: Bilge Tonyukuk'un âbidelerinin tarihlendirilmesi üzerine // Türk Dili ve Edebiyati Dergisi XXIV– XXV (1986), 347–362, reprinted in: *Sertkaya, O.F.*: Göktürk tarihinin meseleleri (Ankara 1995), 113–128; cf.: *Berta, Á.* Szavaimat jól halljátok.... A türk és ujgur rovásírásos emlékek kritikai kiadása [Hear my words ... A Critical Edition of the Turkic and Uighur Runic Monuments] (Szeged 2004), 89–198.

[4] С некоторыми незначительными изменениями мы придерживаемся прочтения и реконструкции Г. Текина: *Tekin,T.* A Grammar of Orkhon Turkic, Bloomington, 1968. Мы будем так обозначать памятники: I – Тоньюкук, I – Кюль-тегин и II. – Бильге-каган.

[5] LMT 157 (CTS), 210–211 (HTS); *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. – М., 1964. – С. 25–26.

[6] О семантике глаголов *et-* и *yarat-* см.: *Giraud, R.* L'inscription de Bain Tsokto. Édition critique – Paris, 1961. – P. 25–27.

[7] LMT 171; *De Groot, J.J.M.* Die Hunnen der vorchristlichen Zeit. Chinesische Urkunden zur Geschichte Asiens. – Berlin–Leipzig, 1921. – S. 55, 59; *Yü, Ying-shih* The Hiung-nu // Sinor, D. (ed.): The Cambridge History of Early Inner Asia – Cambridge 1990. – P. 135.

[8] LMT 453– 454; *Зуев Ю.А.* «Тамги лошадей из вассальных княжеств» (Перевод из китайского сочинения VIII–X вв. Ганхуйяо т. III, Цзюань 72, стр. 1305–1308) // Тр. Ин-та истории археологии и этнографии АН КазССР. VIII (1960), 93–137; *Dobrovits, M.* The Thirty Tribes of the Turks // Acta Orientalia Hungarica LVII (2004), 257–262; *Добрович М.* Власть и пространство у древних тюрков // Электронные библиотеки и базы данных по истории Евразии в средние века, Вып. 11. – М., 2005. – С. 42–55.

[9] *Ecsedy, H.* Uigurs and Tibetans in Pei-t'ing // Acta Orientalia Hungarica XVII (1964), 83–104; *Mackerras, C.H.* · *Mackerras, C.H.* The Uigurs // Sinor, D. (ed.): The Cambridge History of Early Inner Asia. – Cambridge, 1990. – P. 324; *Golden, P.B.* Khazar Studies. An Historico-Political Inquiry into the Origins of the Khazars – Budapest, 1980, I. – P. 99–102; *Golden, P.B.* Irano-Turcica: The Khazar Sacral Kingship Revisited // Acta Orientalia Hungarica LX (2007), 161–194, *Pohl, W.* Die Awaren. Ein Steppenvolk in Mitteleuropa, 567–822 n. Chr. – München, 1988. – S. 293–300.

[10] Описание традиционной системы преемственности власти см.: *Гумилев Л.Н.* Удельно-лестничная система у тюрок в VI–VIII веках // Советская этнография, 1959, 3. – С. 12– 15; *Barfield, Th. J.* Perilous Frontier Nomadic Empires and China, 221 BC to AD 1757. – Cambridge MA–Oxford UK, 1996. – P. 133; *Golden, P.B.* "Ascent by Scales": The System of Succession in Kievan Rus' in a Eurasian Context // Duzinkiewicz J. & alii (ed.): States, Societies, Cultures, East and West: Essays in Honor of Jaroslaw Pelenski. – New York, 2004. – P. 229–258.

Перевод с англ. Е.А. Огановой

***Dobrovits, M.* Textological Structure and Political Message in the Old Turkic Runic Inscriptions (an essay on the formation of the monarchy in Inner Asia, part 1)**

Summary. The present paper gives a textological analysis of Old Turkic Orkhon inscriptions in order to reconstruct the phases of their creation, their textological structure, as well as parallells and interrelations between them. This analysis will make it possible to compare how they narrate certain well-known events in the history of the Second Turkic Khaganate. It will also probably shed light on historical and political ideas that were behind the creation of the inscriptions.

Key words: Orkhon inscriptions, Kül Tegin, Bilgä Qayan, Tonyuquq, Ashina, Ashide, the year of 716.

✦✦✦